

Генезис и трансформация прав протекторства Польско-Литовских государей над землями Ливонской конфедерации

Бессуднов Даниил Александрович, аспирант института истории кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского Государственного университета.

Аннотация. Начавшаяся в конце XV в. борьба за контроль Балтикой непосредственным образом затронула государства Ливонской конфедерации, поставив под угрозу перспективы её дальнейшего существования. Тем не менее, от прямого военного вторжения Ливония была защищена положением «крестоносного государства», находящегося под защитой папы римского и императора Священной Римской империи, и агрессия в её отношении означала также агрессию в отношении двух наиболее влиятельных политических институтов католической Европы. В целях расширения собственного влияния в Ливонии Ягеллоны воспользовались древним правом покровительства над Рижским архиепископством, которое утверждало польских королей и великих князей Литовских в статусе протекторов, законных исполнителей воли пап и императоров, что позволяло им вмешиваться во внутреннюю политику Ливонии при поддержании видимости сохранения их прерогатив. Однако данный политико-правовой концепт на протяжении своего существования претерпел ряд изменений под влиянием актуальной политической обстановки, в связи с чем интересную проблему представляет история его возникновения, изначальное содержание и последующая трансформация.

Ключевые слова: Ливония, Ливонская конфедерация, Ливонский орден, Рижская епархия, Корона Польская, Польша, королевство Польское, Великое княжество Литовское, ВКЛ, Витовт, Сигизмунд I, Сигизмунд II Август, Фромхольд Фюнфгаузен, Хеннинг Шарпенберг, Бернд фон дер Борх, Иоганн VII Бланкенфельд, Вольтер фон Плеттенберг.

Как известно, с конца XV в. Ливония стала объектом пристального внимания государей Дании, Швеции, Великого княжества Литовского, Короны Польской и Московского государства, которых привлекали её выгодное стратегическое положение, важная роль в международной балтийской торговле и богатые земельные ресурсы [1, S. 99–130; 2, с. 24–25; 3, с. 65–69, 78–79]. Однако возможности прямой вооруженной экспансии со стороны католических государств были немало ограничены статусом Ливонии как «крестоносного государства», которое со времен крестовых походов находилось в непосредственной зависимости от двух самых влиятельных политических институтов католической Европы – папы римского и Священной Римской империи германской нации [4, S. 61–75; 5, S. 373–401; 6, S. 47–63; 7, S. 101–126]. Весьма оригинальный способ обхода этого обстоятельства был использован правителями Польско-Литовского государства, которые применили особую форму политической экспансии, которая бы не нарушала или, по крайней мере, создавала видимость сохранения папских и императорских прерогатив и при этом позволяла им постулировать себя в качестве их законных исполнителей. Этому способствовал древний политико-правовой концепт, согласно которому они выступали в качестве протекторов и консерваторов государств Ливонской конфедерации. Он возник еще в XIV в., однако в полной мере оказался востребованным правителями Польско-Литовского государства только в XVI в., когда Ливония превратилась в главный объект «битвы за Балтику», и в этой связи весьма интересную проблему представляют исторические корни и видоизменение этого политико-правового концепта от момента возникновения до его окончательного оформления.

При исследовании сущности явления протекторства следует иметь в виду, что Ливония не являлась единым государством, а представляла собой, что типично для Средневековья, совокупность государств-синьорий. Отдельные ливонские государства образовывали Ливонскую конфедерацию, которая в качестве объединяющего органа имела ландтаг [8, S. 9–21; 9, S. 152; 10, S. 55]. Её субъектами являлись государство Ливонского ордена, архиепископство Рижское, епископства Дерптское и Эзельское [11, с. 9–21]. С момента появления в ливонских землях Орден вёл борьбу с епископством за политическую гегемонию [3, с. 60–65; 12, S. 362–364; 13, S. 97–111; 14, S. 109–137], которая шла с переменным успехом вплоть до утраты Ливонией независимости [15, с. 32–39] и зачастую приводила к внутренним войнам [16, S. 128]. Многочисленные жалобы ливонских епископов на козни Ордена, адресованные папе и императору, в конце концов дали результат. 23 апреля 1366 г. была издана привилегия Карла IV, согласно которой, из-за географической удаленности Священной Римской империи от ливонских земель и «сильной занятости императора», по желанию Рижского архиепископа Фромхольда Фюнфгаузена (1348–1369) ему были назначены хранители (*conservatores*) и исполнители (*executores*), а именно государи Дании, Швеции, Норвегии и Польши, герцоги Штеттинские и другие. Эти государи и их законные преемники должны были от имени императора следить за сохранением и исполнением привилегий епархии, противодействовать мятежам, охранять земли и имущество Рижского архиепископа от посягательств, а также «именем нашего величества наказывать [виновных] в соответствии с содеянным; и в соответствии с авторитетом нашего величества оказывать [архиепископству] любую помощь, какая бы ни потребовалась» [17, S. 75–78]. В тексте особо оговорено, что властная функция покровителей сохраняла силу даже в период отсутствия Рижского архиепископа. Данная привилегия

предполагала постоянное переутверждение и обновление, поэтому общая формула этих актов сохранилась и в более поздних жалованных грамотах, которые будут рассмотрены далее.

Принадлежащая императорам функция защитника Ливонии, которой они располагали со времен крестовых походов, передавалась, таким образом, католическим государям, дружественным Риге, к числу которых относился и король Польский, который с вступлением этого акта в силу получал законный повод вмешиваться в распри духовенства и враждебного ему Ордена в Ливонии и тем самым извлекать выгоду в отношениях с обеими противоборствующими сторонами.

Пожалование 1366 г. было подтверждено Вацлавом IV (1361–1419) в 1395 г. [17, S. 175–182]. Общее содержание привилегии осталось прежним, но круг консерваторов епархии был заметно расширен за счет архиепископов Трирского, Майнского, Кельнского и Магдебургского, а также советов Риги, Любека, Дерпта и других городов. Примечательно, что в этом документе прямо указано, что консерватор имеет полное право выступить против Ордена в случае, если тот ущемляет права архиепископа Рижского, что еще раз свидетельствует о целевой направленности данного акта. Заметим также, что в указанном документе в числе покровителей впервые назван великий князь Литовский. В духе обозначившейся тенденции, Вселенский собор в Констанце 1416 г. признал великого Литовского князя Витовта протектором Дерптской епархии и наделил его функциями, аналогичными тем, что были названы в привилегии 1366 г. [18, S. 176, 197–198, 212, 220]. 30 января 1427 г. по просьбе Рижского архиепископа Хеннинга Шарпенберга (1424–1448) и его капитула римским папой Мартином V (1368–1431) была выпущена булла, в которой Витовт провозглашался протектором также и Рижской епархии [19, S. 755–756], обязанности которого соответствовали содержанию вышеуказанных императорских пожалований, однако теперь он осуществлял свою власть от имени апостольского престола, а не императора. В булле Мартина V открыто говорится о литовских интересах в Ливонии, где Витовт «обладает властью в землях» и потому лично заинтересован в сохранении свобод и прав Рижского архиепископа. Уже через три года, в 1430 г., Витовт не преминул воспользоваться полученным правом, вмешавшись в конфликт Рижского архиепископа и ливонского магистра из-за о. Эзель (Сааремаа), что впоследствии привело к войне Ливонского ордена с Литвой [19, S. 901–903].

В 1435 г. права великого литовского князя и польского короля как протекторов Риги были подтверждены постановлением Базельского собора, согласно которому польско-литовский государь был обязан защищать права и свободы рижского диоцеза, а также «сохранять эти земли под своим могуществом» с благословения пап и разрешения императоров [17, S. 134; 20, S. 546]. Привилегия утверждалась двумя отдельными документами, предназначенными для великого Литовского князя [20, S. 546; 21, с. 148] и для польского короля [17, S. 134; 20, S. 545–546; 22, S. 225]. Оба документа идентичны по своему содержанию и в целом повторяют общий смысл уже рассмотренных документов. Деятельность протектора по-прежнему была направлена в основном на защиту имущества и привилегий архиепископа, хотя Базельский собор расширил эту функцию, дополнив её обязанностью защищать не только светские, но и духовные прерогативы архиепископства. Подобное дополнение было весьма существенным, поскольку тем самым польско-литовский государь получал в свое распоряжение действенный инструмент воздействия на положение дел внутри Рижского диоцеза. В частности, приобретение полномочий в сфере церковного права давало протектору возможность манипулировать назначением коадьюторов, дискредитируя неугодного кандидата, якобы нарушающего его права, или продвигая нужную ему персону. Также примечательно то, что в постановлениях Базельского собора статус протектора оговаривался не для некой группы государей, а конкретно для правителей Польши и Литвы, что, очевидно, было обусловлено весьма активным участием Польско-Литовского государства во внутренних делах Ливонии. Вероятно, именно конкретика данной в акте формулировки обусловила тот факт, что в 1519 г. постановления Базельского собора были востребованы литовской стороной, скопированы и занесены в состав 525-й книги публичных дел Литовской Метрики как документ, посвященный теме протекторства и правовых основ статуса Великого княжества Литовского в отношении Рижского епископства [23, S. 235–236].

Участие Польши-Литвы в ливонских делах отразилось и в тексте привилегии, обновленной императором Священной Римской империи Фридрихом III (1452–1493) в акте от 1481 г., где король польский и великий князь Литовский были обозначены первыми среди других протекторов Рижской епархии [22, S. 17]. Похожий порядок соблюдался и при последующих обращениях к данному правовому концепту, хотя при этом смысловое наполнение понятия «протектор» стало дополняться уточнениями. Источником полномочий протектора изначально выступали и императоры, и папы, по мере обострения противоречий между ними со стороны Священной Римской империи была произведена попытка кардинально изменить объект протекторства. В связи со смертью Рижского архиепископа Сильвестра Стодеवेशера (1448–1479) магистр ордена Бернд фон дер Борх (1471–1483) решил выдвинуть кандидатом на замещение должности архиепископа своего кузена Симона фон дер Борха, которого поддержал рижский капитул, что, однако, вызвало серьезный протест в Риме, а также в среде ливонских вассалов, стремившихся сохранять баланс сил между Орденом и архиепископом [13, S. 97–111; 24, S. 154]. В итоге папа Сикст IV (1471–1484) в 1482 г. отлучил магистра от церкви и назначил единственным государем Риги южноитальянского епископа Стефана Грубе (1480–1483), которого, несмотря на его открыто

сомнительную репутацию, поддержали бюргеры Риги и ливонская знать. В ответ на это Орден направил к императорскому двору комтура Голдингена Герда фон Маллинкродта, которому удалось заручиться помощью Фридриха III (1452–1493) в разрешении этого дела. Император потребовал от Риги немедленно подчиниться магистру и признать его власть на все времена, угрожая в противном случае лишить их всех пожалованных императорами привилегий, а 20 апреля 1481 г. Фридрих III выступил с обращением к польскому королю и великому князю Литовскому Казимиру Ягеллончику, шведскому и датскому королю Кристиану I (1448–1481), князьям Империи и другим лицам, которые являлись протекторами Рижского архиепископства. В этом обращении он потребовал поддержать провозглашение ливонского магистра Бернда фон дер Борха единственным государем Риги, а также призвал протекторов, как доверенных лиц императора, поддержать и при необходимости защитить магистра [22, S.17]. Таким образом, внутрививонский конфликт стал не только площадкой для борьбы за гегемонию между магистрами Ордена и Рижскими архиепископами, но также еще одним поводом для конфронтации императоров и папства. Фридрих III, вопреки их изначальной функции протекторов, предполагавшей защиту жизни, прав и имущества Рижского архиепископа, привлек их к упомянутому делу для обеспечения прав магистра, а также его защиты. Однако традиционно поддерживавшая архиепископа Литва, равно как и другие протекторы, а также жители Риги, проигнорировали обращение Империи. Противоборство нового архиепископа Стефана Грубе и ливонского магистра в конечном счете вылилось в очередной виток кровопролитных внутренних войн.

Финальным актом юридического оформления статуса рижских протекторов стал указ от 12 января 1521 г., которым император Священной Римской империи Карл V вновь обновил старую привилегию о протекторстве. Согласно ему, поддержание и сохранение Рижского архиепископства, а также Дерптского, Эзельского, Курляндского и Ревельского епископств возлагалось на короля Дании, маркграфа Бранденбургского, герцога Мекленбургского, великого князя Литовского, великого магистра в Пруссии, магистра Ливонского ордена и магистраты ганзейских городов и в особенности Любек [25, S. 127–129]. По причине невозможности императора лично реализовывать эту свою функцию, указанные государи назначались покровителями и защитниками указанных земель и были обязаны от лица императора осуществлять защиту и сохранение свобод и привилегий церкви в Ливонии и её самой, а также, с позволения императора, противодействовать тем, кто подрывает благополучие епископств в Ливонии. Протектор, согласно этому документу, являлся носителем императорской прерогативы, но только в отношении своего «подопечного» и его оппонентов. Интересно также, что в формуле привилегии упомянут только великий Литовский князь, а польский король отсутствует. Вероятной причиной тому являются напряженные отношения императора с Коронай Польской по причине невозобновления Венского договора 1515 г. и продолжения военных действий Польши с Тевтонским орденом в Пруссии, который считался вассалом римского императора. Кроме того, Польша активно уклонялась от участия в кампаниях Священной Римской империи против османов [26, S.10–11]. Выведение на первый план литовского князя в качестве ливонского протектора было, вероятно, лишь выражением позиции императора по отношению к Польше. Сама по себе привилегия никак не влияла на статус польского короля, во-первых, поскольку тот являлся одновременно и великим князем Литовским, а во-вторых, текст привилегии не отменял более ранних документов, и польский король по-прежнему обладал правом протекторства, дарованным ему статутом 1366 г. Но в то же время указание в качестве протектора только Литовского князя подкрепляло усилившуюся в XVI в. тенденцию Литвы к обретению собственной независимости от Короны Польской. Подобный жест императора был хорошим знаком для литовских магнатов, которые с момента рождения Сигизмунда II Августа в 1520 г. вынашивали идею об избрании его в качестве своего суверенного князя, который не являлся бы одновременно польским королем [27, S. 271–272]. Возобновление прав великого князя Литовского как протектора в 1521 г. не было разовой декларацией, и в XVI в. фиксируется значительный рост интереса к концепту протекторства в высших кругах Литвы [23, S. 235–236].

В итоге привлечение великого Литовского князя к разрешению конфликтов Рижских архиепископов с Ливонским орденом обрело свое окончательное правовое оформление, сложившись в рамках концепта протекторства. И хотя статус протектора предоставлял великому Литовскому князю и польскому королю инструмент воздействия на положение дел в «подопечных» землях, документальные и нарративные источники не свидетельствуют об активном его применении вплоть до XVI в. Согласно точке зрения М. Бискупа, с момента заключения второго Торуньского мира в 1466 г. вся Ливония воспринималась как сфера влияния исключительно Литвы, где в обязательном порядке надлежало установить протекцию великого князя [1, S. 130].

К сожалению, за период до XVI в. сохранилось всего несколько упоминаний обращений литовских государей к этому правовому концепту, из чего можно сделать вывод, что указанные намерения, если таковые действительно имели место, не занимали первых позиций в их политической стратегии. Характерно, что аналогичные заявления со стороны польского короля относительно прав протекторства над Ливонией вплоть до XVI в. вовсе отсутствуют, что вызвано, судя по всему, крайне малой заинтересованностью в её политической жизни. Более-менее систематическое обращение к концепту протекторства и его постепенная активизация становится заметной с началом Реформации. Новое

религиозное учение, распространившееся в германских землях, в 20-е годы XVI в. укоренилось и в Ливонии, особенно в городской среде. Последовавший раскол общества обнажил большое количество противоречий, ставших причиной дальнейших политических и социальных потрясений, расколовших и без того не слишком прочное объединение ливонских земель [28]. Рижская епархия в целом весьма показательна как пример широкого спектра внутренних конфликтов, раздиравших Ливонию с приходом Реформации. Внутри епархии имело место жесткое противостояние архиепископа и жителей города – для рижан, большую часть которых составляли протестанты, архиепископ являлся представителем папской власти и главным оплотом католицизма в регионе. Под знаменами борьбы с католическим духовенством и создания «единой Ливонии» против архиепископа Риги выступали в том числе и другие субъекты Ливонской конфедерации, которые стремились любой ценой усилить свои позиции в непрекращающейся борьбе за гегемонию внутри государства [29].

Наиболее последовательно против нового учения выступил Рижский архиепископ Иоганн VII Бланкенфельд (1524–1527), который открыто противопоставил себя населению Риги. Этим не преминул воспользоваться ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг (1494–1535). Поддержав горожан-протестантов, он тем самым обрел серьезного союзника в борьбе против архиепископа [30, S. 105–129]. В 1524 г. город добровольно перешел под единоличное управление магистра, а католические храмы, подконтрольные архиепископу, первыми подверглись разгрому. Понимая, что сила не на его стороне, Бланкенфельд надеялся обрести помощь у государя Польши и Литвы Сигизмунда I (1467–1548) и вступил с ним в переписку [17, S. 186–188]. Будучи убежденным католиком, Сигизмунд относился к Реформации крайне негативно, и его тревожило распространение лютеранства в Риге [12, 360–361], которая всегда находилась в фокусе его пристального внимания. С началом Реформации сложилась опасная для него ситуация, когда в ходе событий 1520-х годов серьезно пострадали позиции его потенциального сторонника и возникла угроза того, что новое учение через литовских купцов проникнет на территорию Польско-Литовского государства. В этой обстановке Сигизмунд впервые всерьез обратился к своему праву протекторства над Рижским архиепископством для оказания политического давления на Ригу, являвшуюся эпицентром распространения лютеранства в Ливонии и лояльно настроенный Орден. В своем ответе архиепископу король выразил обеспокоенность положением дел в Риге, поскольку диоцез, находящийся под его опекой и покровительством, оказался в распоряжении еретиков [17, S. 186]. При этом он заявил, что не может использовать военную силу, поскольку тем самым он поставит под удар благополучие собственного народа, но в состоянии оказать дипломатическую помощь посредством писем и посольства к магистру [17, S. 186–187].

В инструкции послам Сигизмунда, направленным в Ливонию для участия в заседаниях Вольмарского ландтага, польско-литовский государь указывал, что распространение Реформации в Германии является серьезной угрозой для всего христианства и непосредственно касается как Великого княжества Литовского, так и Ливонии [31, S. 53–55]. Поскольку Сигизмунд I полагал поправными права Рижского архиепископа и епископа Дерпта, находившихся под его защитой и покровительством, он потребовал от ландтага возместить вышеуказанным прелатам причиненный ущерб. Кроме того, король дал понять, что не потерпит ущемления прав Рижского архиепископа, в связи с чем потребовал от магистра обеспечить главе ливонской церкви необходимую поддержку, чтобы склонить население Риги к признанию его власти. Ссылаясь на древность своих протекторских прав, Сигизмунд также указал магистру всеми силами препятствовать распространению лютеранского учения, предложил в том свою поддержку и пригрозил в противном случае использовать «иные методы», которые должны были обеспечить благополучие его подопечных. Впрочем, всего этого оказалось недостаточно, чтобы остановить распространение Реформации в Ливонии, но архиепископ Бланкенфельд, покинувший страну, чтобы обратиться к суду императора, высоко оценил поддержку, оказанную польско-литовским государем и продолжил переписку с Сигизмундом I, а также с епископом познанским и краковским Петром Томицким, при случае оказывая им помощь в Риме [17, S. 185–186; 32, S. 119–120].

Этот исторический эпизод примечателен в первую очередь тем, что содержит прецедент вмешательства польско-литовского государя во внутреннюю политику Ливонии с использованием старинного концепта протекторства, который до того момента не был слишком активно задействован. Очевидно, что попытка короля устранить вековой внутриливонский конфликт, радикализированный распространением Реформации, вряд ли могла увенчаться успехом, однако она принесла другие, не столь очевидные, но при том не менее значимые результаты. Обращение польского короля к положению о его протекторстве в отношении Рижской епархии не было оспорено Вольмарским ландтагом, который, возможно, принял его за риторический прием и тем самым формально выразил согласие воспринимать его в этом качестве, в полном соответствии с императорскими и папскими пожалованиями. Кроме того, выступление представителей польско-литовского государя способствовало его большему сближению с Рижским архиепископом, который в условиях Реформации как никогда нуждался в поддержке и был готов принять её откуда угодно, в том числе и от главного врага Польско-Литовского государства – России [33, с.157–165]. Ввиду этого можно допустить, что оказание поддержки Бланкенфельду Сигизмундом II Августом на Вольмарском ландтаге имело целью пресечение наметившегося сближения Рижского архиепископа с Москвой. Так или иначе, но с того момента Рижские архиепископы начинают в

открытую ориентироваться на Вильно и Краков, оказывая польско-литовским государям всестороннюю помощь и координируя с ними свои действия.

В заключительной части статьи вновь надо отметить длительность процесса формирования и развития идеи протекторства польско-литовского государя над государствами Ливонской конфедерации. Его ключевые моменты были связаны с пожалованиями и подтверждениями пожалований этой прерогативы императорами Священной Римской империи, а именно Генрихом VI Штауфеном, Карлом IV Люксембургским, Фридрихом III и Карлом V Габсбургами, которым она принадлежала в силу их исконного права в отношении Ливонии как «крестоносного государства». Первоначально эта привилегия представляла собой некую формализованную разновидность сеньориальных отношений, патриархальных в своей основе, предполагавших оказание протектором защиты и покровительства в обмен на признание его статуса и полномочий. Первоначально она не представляла интереса для польско-литовских государей, но, начиная со второй половины XV в., в связи с осложнением внутривосточной обстановки в Ливонии и ее «интернационализацией», т. е. вовлечением иностранных держав, идея протекторства постепенно стала приобретать значение. Тенденция получила развитие в первой половине XVI в., в связи с развитием Реформации в Ливонии и особенно положением дел в Риге, когда польские короли Сигизмунд I Старый и Сигизмунд II Август энергично включились в ход внутривосточной политики с целью вовлечения Ливонии в сферу своего влияния. При этом старинная парадигма, касающаяся польского протекторства над Рижской епархией, оказалась весьма удобным инструментом. Впервые случаи вмешательства польско-литовских государей в разрешение внутривосточных проблем с использованием права протекторства имели место на рубеже 20–30-х гг. XVI в. в связи с выборами маркграфа Вильгельма Бранденбургского коадьютором и ближайшим преемником архиепископа Рижского Томаса Шонинга. Тем самым был создан прецедент для успешного проведения польской политики в отношении Ливонии. Внешне- и внутривосточное положение Польско-Литовского государства в последующие годы позволило существенно усилить политико-правовой потенциал протекторства благодаря трансформации роли протектора из стороннего арбитра в полноценного актора, обладающего правом вмешиваться во внутреннюю политику Ливонской конфедерации, что сыграло роль правовой базы для присоединения ливонских земель к владениям Сигизмунда II Августа в XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Biskup M. Livland als politischer Faktor im Ostseeraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397-1521) // *Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union, 1397–1521*. Toruń : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. S. 99–133;
2. Корольук В. Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М.: Издательство АН СССР, 1954. 111 с.
3. Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М.: Квадрига, 2015. 445 с.
4. Hellmann M. *Altivland und das Reich* / M. Hellmann // *Felder und Vorfelder russischer Geschichte*. Freiburg: Rombach, 1985. S. 61–75.
5. Schwarz J. Zwischen Kaiser und Papst: Der Rigaer Erzbistumsstreit 1480-1483 // *Zeitschrift für Historische Forschung*. Berlin: Duncker & Humblot, 2007. Bd. 34. № 3. S. 373–402.
6. Jähnig B. Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst // *Nordost-Archiv: Zeitschrift für Regionalgeschichte*. Lüneburg: Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998. Bd. 7. S. 47–64.
7. Biskup M. Der Deutsche Orden in Bahn der habsburgischen Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts // *Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter (Ordines militares – Colloquia Torunensia Historica 5)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1990. S. 101–126.
8. Angermann N. Livland im ausgehenden Mittelalter // *Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands*. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1985. S. 9–21.
9. Kostrzak J. Die Ständeprobleme in Altivland im 15. Jahrhundert // *Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preußen und seinen Nachbarländern*. München: Oldenbourg, 1992. S. 151–157.
10. Misāns I. Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag // *Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland*. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk, 2001. S. 55–72.
11. Дзярновіч А. І. «...In nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін Вялікага Княства Літоўскага і Лівоніі ў канцы XV — першай палове XVI стст. (Сістэматызацыя і актывы аналіз). Мінск: ATHENAEUM, 2003. Т. 1. 373 с.
12. Kłodziński A. Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem 1556-7 // *Kwartalnik Historyczny*. Lwów: Towarzystwo Historyczne, 1908. R. 22. S. 344–391.
13. Jähnig B. Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft über die livländischen Bistümer //

Ritterorden und Kirche im Mittelalter (Ordines militares – Coloquia Torunensia historia). Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. № 9. S. 97–111.

14. Neitmann K. Um die Einheit Livlands. Der Griff des Ordensmeisters Berndt von der Borch nach dem Erzstift Riga um 1480 // Deutsche im Nordosten Europas. Köln, Wien: Böhlau, 1991. S. 109–137.

15. Angermann N. Am Vorabend des Livländischen Krieges Die Positionen der politischen Hauptkräfte Livlands gegenüber Russland // Балтийский вопрос в конце XV-XVI вв. : сборник научных статей. М.: Квадрига, 2010. С. 32–39.

16. Hellmann M. Die Erzbischöfe von Riga und Litauen vom 13. bis zum 15. Jahrhundert // Baltikum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury 12-18 wieku. Toruń: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego, 1992. S. 123–130.

17. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae: Typografia Regia et Reipublicae, 1759. T. 5. 560 s.

18. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung. Riga, Dorpat: Eduard Frantzen's Buchhandlung, 1835. Bd. 2. 414 s.

19. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. Kraków: Akademia Umiejętności, 1891. T. 2. 531 s.

20. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1884. Bd. 8. 728 s.

21. Пташицкий С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1887. 280 с.

22. Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat: W. Gläasers Verlag, 1861–1868. 250 s.

23. Ipariene I. Kilka Zrodel dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai: Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius: Leidykla, 2007. S. 213–240.

24. Seraphim E. Geschichte von Livland. Gotha: F. A. Perthes, 1906. Bd. 1. 293 s.

25. Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen. Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir, 1847. Bd. 5. 860 s.

26. Deggeller G. Karl V und Polen-Litauen. Ein Beitrag zur Frage der Ostpolitik des späten Kaisertums. Würzburg: Triltsch, 1939. 49 s.

27. Gudavičius E. Lietuvos europėjimo kelias: istorinės studijos. Vilnius: Aidai, 2002. 383 p.

28. Arbusow L. Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. Leipzig: Scientia Verlag Aalen, 1921. 851 s.

29. Lange T. Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2014. T. I-II. 786 s.

30. Selart A. Johann Blankenfeld und Russland // Die baltischen Länder und Europa in der Frühen Neuzeit. Köln: Böhlau Verlag, 2015. S. 105–129.

31. Acta Tomiciana. Tomus Octavus Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Poloniae et Magni Ducis Lithuaniae. Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1876. T. 8. 408 s.

32. Acta Tomiciana. Tomus Nonus Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi Regis Poloniae Magni Ducis Lithuaniae. Poznań: Biblioteka Kórnicka, 1876. T. 9. 372 s.

33. Селарт А. Иоганн Бланкенфельд и Мисюръ Мунехин. К истории ливонско-русских отношений в 1520-е гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. № 1 (9). С. 157–165.

Genesis and transformation of the right of protectorship of Polish-Lithuanian sovereigns over the lands of Livonian confederation.

Bessudnov Daniil Alexandrovich, postgraduate student of the History Institute of the Department of History of the Slavic and Balkan Countries of the St. Petersburg State University.

As known, from the end of the XV century Livonia became the object of close attention of the sovereigns of Denmark, Sweden, the Grand Duchy of Lithuania, the Crown of Poland and the Moscow State, who were attracted its favorable strategic position, an important role in the international Baltic trade and rich land resources. However, the possibility of direct expansion by the Catholic states was limited by the status of Livonia as a "crusading state", under the auspices of the two most influential political assemblies of Catholic Europe - the Pope and the Holy Roman Empire of the German nation. An interesting way to bypass this obstacle

was used by the rulers of the Polish-Lithuanian state, who applied a special form of political expansion that did not violate or at least created an appearance of preserving the papal and imperial prerogatives, and at the same time allowed them to postulate themselves as their legitimate implementers. That was promoted by the ancient political and legal concept according to which they acted as protectors and conservators of the states of the Livonian Confederation. It emerged in the XIV century, but, however, it was fully in demand by the rulers of the Polish-Lithuanian state only in the XVI century, when Livonia became the main object of the "battle for the Baltic" and a very interesting problem is the historical roots and the modification of this political concept from the time of its appearance to its finalization.

Keywords: Livonia; Livonian confederation; Livonian order; diocese of Riga; the Crown of Poland; Poland; Poland kingdom; Grand duchy of Lithuania; GDL; Vytautas; Sigismund I; Sigismund II August; Fromhold von Vifhusen; Henning Scharpenberg; Bernhard von der Borch; Johannes VII von Blankenfelde; Wolter von Plettenberg.